ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

DOI: 10.34020/2073-6495-2020-1-227-243

УДК 338.2

ФЕДЕРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Смирнов В.В.

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова
E-mail: walera712006@mail.ru

Целью работы является изучение возможности экономического развития российских регионов в современном федеративном государстве. Исследование основано на системном подходе с применением методов описательной статистики и кластерного анализа. В статье выявлено отсутствие понимания федерализма как системного инструмента развития экономики российских регионов. Федерация увязывается с политической доминантой – моментом власти. При этом выделяется приоритет принципов меризма в государственном устройстве, сводя к упрощению национальной экономики, усилению роли центральной власти и зависимости России от технологий капитализации экономики в пользу бюджетной централизации. В работе показано место российской экономики в мирохозяйстве в условиях принятия капитализма как основы общественно-экономической формации. В результате федеративного анализа экономического развития российских регионов выявлены аттрактор федеративного устройства – Республика Крым и анти-аттрактор – Республика Дагестан. Связывающими субъектами Федерации определены Калужская и Тамбовская области, разъединяющими – Ненецкий автономный округ и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Результаты исследования расширяют сферу знаний федеративного устройства государства и указывают на возможности сохранения его целостности при активном экономическом развитии его субъектов, формируя новые компетенции для принятия управленческих решений по сохранению стабильности баланса региональных интересов во внутренней и внешней политике.

Ключевые слова: аттрактор федеративного государства, баланс региональных интересов, бюджетная централизация, возможности развития, капиталистическая общественно-экономическая формация, момент власти, принципы меризма, экономика региона.

FEDERAL ANALYSIS OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF MODERN RUSSIA

Smirnov V.V.

Chuvash State University named after I.N. Ulyanova
E-mail: walera712006@mail.ru

The purpose of the paper is studying the possibility of economic development of Russian regions in modern federal state. The research is based on a system approach using the methods of descriptive statistics and cluster analysis. The article revealed the incomprehension of federalism as a system tool of development of economy of Russian regions.

The federation is related to a political keynote – the moment of power. At that, the priority of merism principles in structure of a state is emphasized, with simplification of national economy and strengthening the role of central authority and dependence of Russia on the technologies of economy capitalization, in favor of budget centralization. The paper shows the place of Russian economy in the world economy in the conditions of acceptance of capitalism as the basis of economic formation of society. Following the results of the federative analysis of economic development of Russian regions the attractor of federative framework – the Republic of Crimea and anti-attractor – the Republic of Dagestan were revealed. The Kaluga Region and Tambov Region were defined as the linking entities of the Federation, while the Nenets Autonomous District and Khanty-Mansy Autonomous Region – Yugra were defined as the separating ones. The results of the research expand the field of knowledge regarding federative framework of the state and point at the possibilities of its integrity maintenance in the course of dynamic economic development of the entities, by forming new competencies for managerial decision making regarding maintenance of stability of the balance of regional interests in internal and foreign policy.

Keywords: attractor of federal state, balance of regional interests, budget centralization, possibilities of development, capitalistic economic formation of society, moment of power, principles of merism, economy of region.

Введение. Необходимость проведения федеративного анализа развития российских регионов обусловлена отсутствием понимания федерализма как принципа федерации в отношении признания политическим идеалом федеративной организации государства. Государство есть политико-территориальная суверенная организация публичной власти, обладающая аппаратом управления и принуждения, обладающая рядом признаков: разделение и организация населения по территориальному принципу; обладание суверенитетом – единой публичной власти, независимой от других государств; исключительное право принимать нормативные правовые акты, обязательные к исполнению для всего населения на всей территории; наличие социальных институтов, в том числе органов и учреждений государственной власти, обеспечивающих принуждение к исполнению ее решений; налоги, пошлины и прочие сборы, собираемые для исполнения государством его функций.

Федерация – форма государственного устройства, при которой части государства являются государственными образованиями, обладающими политической самостоятельностью и имеющими широкие полномочия во внутренней политике, но не обладающими государственным суверенитетом. Форма государственного устройства есть способ территориальной организации государства, определяющий внутреннее строение государства, деление его на составные части (территории) и принципы их взаимоотношения между собой. Атрибутом федерации является наличие государственно-территориальных образований – субъектов федерации, имеющих ряд признаков государства, но не обладающих государственным суверенитетом.

Вышеизложенные положения относительно федерализма и федеративного устройства государства указывают на целое – федеративное государство Россия и ее функциональные части – субъекты федерации (регионы). Целое – то, что состоит из частей, а часть – это элемент некоторого целого. В этом отношении исследование сталкивается с двумя философскими позициями, сводящими целое к его частям: меризм (часть) – свойства целого

как сумму свойств его частей; холизм (целый) – несводимость целого к его частям, обретение целым новых свойств по сравнению с его частями. Политический идеал федеративной организации государства понимается через антиномии целостности: целое есть не более чем сумма своих частей, и целое – нечто большее, чем сумма его частей; целое познается через знание его частей, и знание целого предшествует познанию его частей; части предшествуют целому, и целое предшествует своим частям.

Итак, актуальность проведения федеративного анализа развития российских регионов обусловлена моментом федерализма, борьбы противоположностей в процессе формирования системы государственного устройства. Выбор принципа меризма или холизма в системе государственного устройства определяет границы развития федеративного пространства в целом и экономического развития регионов в частности.

Указ Президента Российской Федерации «О Правительстве Российской Федерации»¹ в соответствии с пунктом «в» статьи 83 и частью второй статьи 117 Конституции Российской Федерации постановил объявить об отставке Правительства Российской Федерации. Также В. Путин подписал Указ «О Заместителе Председателя Совета Безопасности Российской Федерации», в котором назначил Медведева Дмитрия Анатольевича Заместителем Председателя Совета Безопасности Российской Федерации, освободив его от исполнения обязанностей Председателя Правительства Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г. N 17 «О Председателе Правительства Российской Федерации», в соответствии с пунктом «а» статьи 83 Конституции Российской Федерации назначен Мишустин Михаил Владимирович Председателем Правительства Российской Федерации².

Результатом таких изменений должна стать смена принципов развития российской экономики – от холизма (представитель Д.А. Медведев) к меризму (М.В. Мишустин). Путин встряхивает Россию, чтобы все осталось по-прежнему³. Он отметил, что хотя правительство не выполнило все свои задачи, следует отметить то, что было достигнуто. Путин назначил в соответствии с пунктом «а» статьи 83 Конституции Российской Федерации 53-летнего М.В. Мишустина «a low-profile technocrat who heads the Federal Tax Service» Председателем Правительства Российской Федерации^{4,5}.

¹ Указ Президента РФ от 15.01.2020 N 14 «О Правительстве Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 15.01.2020.

² Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г. N 16 «О Заместителе Председателя Совета Безопасности Российской Федерации». 17 января 2020 г. Российская газета. Федеральный выпуск № 8 (8062).

³ By Anthony Halpin. Putin Shakes Up Russia to Keep Things the Same. 16 января 2020 г., 13:54 GMT+3 <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-16/putin-shakes-up-russia-to-keep-things-the-same?srnd=premium-europe>.

⁴ By Ilya Arkhipov and Henry Meyer. Putin Launches Overhaul That May Extend His 20-Year Russian Rule. 15 января 2020 г., 16:36 GMT+3 Updated on 16 января 2020 г., 8:54 GMT+3. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-15/russia-premier-medvedev-quits-says-putin-to-pick-new-government>.

⁵ By Andrey Biryukov and Stepan Kravchenko. Russia Moves Quickly to Make Putin's New Vision a Reality. 16 января 2020 г., 10:12 GMT+3 Updated on 16 января 2020 г., 15:46 GMT+3 <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-16/putin-s-premier-pick-wins-backing-amid-kremlin-overhaul-push>.

Следствием перехода от холизма к меризму, от высшего к низшему станет упрощение федеративного государственного устройства с усилением роли центральной власти. Это упрощение позволит обеспечить оптимальную реализацию национальных интересов, прописанных в «Национальных проектах».

Обзор литературы. После Второй мировой войны в течение трех десятилетий из-за значительного роста государственных расходов, главным образом на уровне центрального правительства, усилился процесс бюджетной централизации в большинстве стран [23]. Бюджетная централизация трансформировалась в принцип формирования федераций. Поиск ресурсов для восстановления крупных экономик на уровне регионов и стран привел к парадигме федерализма. В этом отношении федерализм относится к набору институциональных механизмов, разделяющих власть между центральным правительством и региональными правительствами [5].

В своем развитии российский федерализм прошел три основных этапа: 1) создание основ социалистического федерализма (1918–1936 гг.); 2) утверждение фактического унитаризма в государственном устройстве России (1937–1985 гг.); 3) реформы государственного устройства перед принятием Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. В результате прохождения этих этапов Российская Федерация как сложное образование, состоящее из частей, именуемых субъектами Федерации, обрела ряд доминирующих признаков федеративного государства: 1) отсутствие суверенитета у субъектов Федерации, 2) запрет сецессии и 3) отсутствие права на одностороннее изменение статуса субъекта Федерации.

Доминирование этих признаков в становлении российского федерализма негативно повлияло на процесс демократизации. В замкнутом круге развития российского федерализма авторитаризм в центре подпитывается авторитаризмом в регионе и наоборот. «Выборные диктатуры» и «делегативные демократии» укоренились во многих республиках, а в большинстве регионов прочно утвердились [19].

Отличительной особенностью радикальной перестройки федеративной системы в начале 2000 г. стало усиление роли Президента В.В. Путина посредством реорганизации Совета Федерации и роспуска региональных собраний и глав администраций, а также создания федеральных округов [20]. В этом проявился принцип становления российского федерализма, оказавший положительное влияние на дизайн политических институтов федерации, обеспечивая ее развитие, предоставление экономических и политических благ регионам, оправдывающим ее существование.

Сырьевая структура российской экономики в контексте федерализма нормативно закрепляет за регионами, зависящими от добычи природных ресурсов или бюджетных трансфертов центрального правительства, статус регионов-рантье. Правительства этих регионов могут использовать местный контроль над доходами и расходами для защиты определенных фирм, например, производителей природных ресурсов или убыточных предприятий, от воздействия рыночных сил. Удержание налогов, которое является косвенным признаком финансовой автономии, оказало положительное влияние на региональные реформы и инвестиции после распада Советского Союза [8].

В условиях Федеративного государства удержание налогов на региональном уровне, с согласия либеральных воззрений демократического государства, усилило конкуренцию среди экономических субъектов. При этом простая симметричная двухуровневая налоговая конкуренция между левиафанами и координация налоговой политики национальных правительств путем слияния на верхнем уровне позволили получить больше налоговых поступлений. Объединенные юрисдикции в качестве национального правительства более крупной страны получают больше подушевых налоговых поступлений, чем у небольшой страны [22].

В то же время анализ эмпирической связи между фискальным федерализмом и экономическим ростом показывает неспособность надлежащим образом учесть неопределенность модели федеративного устройства государства, в том числе в отношении контроля за ненаблюдаемой неоднородностью стран, отсутствием устойчивой связи между ростом производства и бюджетным федерализмом [3]. Хотя в целом федерализм оказывает позитивное воздействие на процессы глобализации торговли. Фрагментация внутреннего рынка и стратегия свободной торговли, осуществляемая некоторыми сепаратистскими регионами в федеративных странах, увеличивают международную торговлю [7].

Интересы демократии, связанные с децентрализацией власти, удерживаются федеральной системой в форме самоподдерживающегося федерализма [25]. Например, анализ трех форм бюджетного федерализма в монетарных союзах, а именно: 1) полностью децентрализованные региональные фискальные органы в качестве эталона; 2) фискальное выравнивание с номинальным разделением налоговых доходов; 3) общий центральный фискальный орган – привел к следующим выводам. Во-первых, центральный фискальный орган стабилизирует колебания потребления и увеличивает масштабы межрегионального распределения доходов и потребительских рисков. Во-вторых, бюджетное выравнивание дестабилизирует колебания потребления, а также уменьшает масштабы межрегионального сглаживания доходов и рисков потребления. В-третьих, центральный фискальный орган ведет к росту благосостояния, в то время как фискальное выравнивание ведет к потерям благосостояния [9].

Итак, в равновесии децентрализованное правительство выбирает налоговую политику для максимизации экономического роста, в то время как централизованное правительство этого не делает [12]. Следовательно, оптимальное разделение предполагает компромисс между неэффективностью налоговой конкуренции на региональном уровне и неэффективностью законодательного поведения на центральном уровне [6], где обеспечение общественного блага контролируется минимально победившей коалицией.

Полная централизация никогда не бывает оптимальной – региональные правительства всегда должны поставлять определенные общественные блага. Необходимо позволить регионам централизованно пополнять запасы общественных благ, но только в том случае, если неэффективность централизованного обеспечения достаточно мала [13]. По этому пути идет Китай, который в период «фискальной контрактной системы» характеризовался небольшим расхождением между контрактами *ex ante* и *ex post*, что свиде-

тельствует о надежности финансовых контрактов. Более сильные ex ante, измеряемые договорной предельной нормой удержания правительством провинций своих бюджетных доходов, связаны с более быстрым развитием негосударственного сектора и активными реформами в государственном секторе экономики, что сопоставимо с российским федерализмом [14, 17].

Таким образом, идея федеративного устройства государства является следствием всемирной демократизации управления и либерализации экономики. Растущая зависимость российской экономики от технологий капитализации сдвигает вектор развития политической власти к идеалу федеративной организации государства, в пользу налоговой и бюджетной централизации. Это связано с перераспределением доходов от богатых к бедным, с ориентацией на мобильность рабочей силы, что должно привести к полному прекращению перераспределения (субсидий) для бедных [2].

Метод. Для федеративного анализа экономического развития российских регионов применяются методы описательной статистики, включающие обработку эмпирических данных, систематизацию, наглядное представление в форме графиков и таблиц, их количественное описание посредством основных статистических показателей [4, 15]. С помощью таблиц, диаграмм и сводных показателей описывается поведение каждой переменной. Таблицы, диаграммы и графики строятся с помощью «MS Excel», «IBM SPSS Statistics Software» [10]. С помощью описательной статистики оценивается массив данных по статистическим показателям.

Статистический анализ выступит как метод сбора, изучения и представления больших объемов данных по признакам [16] и взаимосвязям данных [21], корреляционным взаимосвязям пространственных и временных рядов показателей, что позволит, сохраняя методологию исследования, создать аналитическую платформу для применения кластерного анализа. Применение кластерного анализа обусловлено тем, что статистические методологии опираются на вероятностное понимание причинности [24]. Кластерный анализ позволит показать истинность результатов федеративного анализа экономического развития регионов России, связывая индивидуальные изменения и их взаимовлияние [1, 11].

Анализ. Базисом для федеративного анализа экономического развития регионов современной России является оценка темпов прироста (Rates of Gain, RG) среднемесячной номинальной начисленной и реальной начисленной заработной платы, ВРП на душу населения (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах), индекса производительности труда, степени износа основных фондов, находящихся в открытом доступе на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики (Росстат), находящейся в ведении Министерства экономического развития Российской Федерации. Основанием для выбора этих показателей является сложившаяся капиталистическая общественно-экономическая формация, при которой рабочая сила (свободная) становится товаром, а заработная плата представляет собой цену труда рабочего [18].

В качестве начала для соответствующего анализа определен 2008 г. – мировой финансово-экономический кризис, который проявился в виде сильного снижения основных экономических показателей из-за падения цен на нефть, чрезмерного заимствования частного сектора и оттока капитала.

Анализ изменения заработной платы как цены рабочей силы включает в себя оценку RG среднемесячной номинальной начисленной и реальной начисленной заработной платы в контексте RG ВРП на душу населения. Оценка реальной среднемесячной начисленной заработной платы в российских регионах выявила: лидеров – Республика Крым (Me = 7,2 %; $\sigma^2 = 0,5$) и г. Севастополь (Me = 5,2 %; $\sigma^2 = 6,4$); аутсайдеров – Республика Дагестан (Me = -2,3 %; $\sigma^2 = 124,0$) и Вологодская область (Me = -2,2 %; $\sigma^2 = 55,3$). Оценка RG номинальной среднемесячной начисленной заработной платы выявила: лидеров – Республика Дагестан (Me = 21,8 %; $\sigma^2 = 163,1$) и Кабардино-Балкарская Республика (Me = -20,7 %; $\sigma^2 = 128,5$); аутсайдеров – Республика Крым (Me = 8,4 %; $\sigma^2 = 9,5$) и Архангельская область без автономного округа (Me = 10,1 %; $\sigma^2 = 11,0$).

Максимальная разность между Me RG среднемесячной номинальной начисленной и реальной начисленной заработной платой у Республики Дагестан (24,1 %), минимальная – Республики Крым (1,2 %) (рис. 1).

Высокая позиция по Me RG ВРП на душу населения (вторую после г. Санкт-Петербурга – Me = 30,6 %) Республики Крым (Me = 22,7 %) указывает на принадлежность его к федеративному аттрактору экономического развития российских регионов по заработной плате – цене рабочей силы. Республика Дагестан на фоне высоких Me RG ВРП на душу населения (Me = 14,3 %) является анти-аттрактором.

Следующим этапом федеративного анализа экономического развития регионов современной России является оценка возможности создания прибавочной стоимости, т.е. анализа процесса производства как единства процессов труда и возрастания стоимости. Для этого оценим RG индекса производительности труда и степени износа основных фондов в контексте RG ВРП на душу населения. Оценка RG индекса производительности труда выявила: лидеры – Калужская (Me = 6,3 %; $\sigma^2 = 56,2$) и Тамбовская (Me = 6,2 %; $\sigma^2 = 28,3$) области; аутсайдеры – Ненецкий автономный округ (Me = -1,6 %; $\sigma^2 = 145,1$) и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (Me = -1,6 %; $\sigma^2 = 4,2$). Оценка RG степени износа основных фондов выявила: лидеров – Ненецкий автономный округ (Me = 11,7 %; $\sigma^2 = 83,4$) и Сахалинская область (Me = 10,7 %; $\sigma^2 = 214,3$); аутсайдеров – Чеченская Республика (Me = -4,7 %; $\sigma^2 = 145,7$) и Республика Ингушетия (Me = -3,5 %; $\sigma^2 = 49,3$).

Связывая Me RG индекса производительности труда и степени износа основных фондов с Me RG ВРП на душу населения (рис. 2), следует выделить явный анти-аттрактор – Ненецкий автономный округ, теряющий производительность труда и увеличивающий степень износа основных фондов.

Для устранения свойства анти-аттрактора Ненецкий автономный округ на фоне трех автономных округов (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Чукотский и Ямало-Ненецкий) необходимо объединить с определенным субъектом Российской Федерации. Например, как это было в отношении Коми-Пермяцкого автономного округа (1 декабря 2005 г.) – вошел в состав нового Пермского края в результате слияния округа с Пермской областью; Эвенкийского и Таймырского автономного округа (1 января 2007 г.) – присоединены к Красноярскому краю; Корякского автономного округа (1 июля 2007 г.) – с Камчатской областью (Камчатский край); Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (1 января

Рис. 1. Ме RG реальной среднемесячной начисленной заработной платы и разность между Ме RG среднемесячной номинальной начисленной и реальной начисленной заработной платой, % и реальной начисленной заработной платой, 2001–2018 гг., %; Ме RG ВВП на душу населения (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах), 2008–2018 гг., %

Источник: рассчитано в «SPSS Statistics» по данным Worldwide Governance Indicators. © 1999–2020 Federal State Statistics Service. <https://eng.gks.ru> (Accessed 15 January 2020)

Рис. 2. Me RG индекса производительности труда, 2008–2017 гг.; Me RG степень износа основных фондов, 2008–2018 гг., %; Me RG ВВП на душу населения (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах), 2008–2018 гг., %

Источник: рассчитано в «SPSS Statistics» по данным Worldwide Governance Indicators. © 1999–2020 Federal State Statistics Service. <https://eng.gks.ru> (Accessed 15 January 2020)

2008 г.) – с Иркутской областью; Агинского Бурятского автономного округа (1 марта 2008 г.) – с Читинской областью (Забайкальский край).

В целом федеративный анализ экономического развития регионов современной России, базисом существования которой становится капиталистическая общественно-экономическая формация, показал значительное отставание Me RG индекса производительности труда и степени износа основных фондов в контексте Me RG ВРП на душу населения (рис. 2) в сравнении с Me RG заработной платы (см. рис. 1). Это отставание делает нерентабельным федеративное существование российских регионов современной России на платформе совокупности обрабатывающих производств. Выделяется примитив сырьевого сосуществования субъектов Федерации.

Синтез. Исследование не является законченным, если его результаты будут ограничены лишь анализом. Необходимо рассмотреть возможности формирования нового федеративного пространства для экономического развития российских регионов, парадигмой функционирования которого является сырьевое сосуществование субъектов Федерации. Методом оценки возможностей формирования нового федеративного пространства выступает кластерный анализ, связывающий индивидуальные изменения экономического развития российских регионов и их взаимовлияние.

В результате кластерного анализа (см. таблицу) выявлена связанность экономического пространства регионов, удерживающая федеративное устройство российского государства (квадрат евклидова расстояния меньше единицы): Архангельская область и Краснодарский край (0,664); Воронежская область и Республика Коми (0,444); Иркутская и Смоленская области (0,601); Республика Адыгея и Тульская область (0,783); Ленинградская и Пензенская области (0,967). Также следует выделить слабые связи: Алтайский край и г. Санкт-Петербург (442,260); г. Санкт-Петербург и Республика Крым (255,403).

Кластеры федеративного развития российских регионов

Кластер		Квадрат евклидова расстояния
1		2
Алтайский край	Новосибирская область	2,327
	Омская область	5,325
	Карачаево-Черкесская Республика	8,793
	Забайкальский край	14,850
	Архангельская область	17,892
	Амурская область	24,745
	Ивановская область	33,888
	Архангельская область без авт. округа	43,931
	Магаданская область	59,218
	Республика Ингушетия	76,945
	Кабардино-Балкарская Республика	95,319
	Ненецкий авт. округ	147,211
	Тюменская область без авт. округов	157,126
	г. Санкт-Петербург	442,260

Продолжение таблицы

1		2
Амурская область	Приморский край	2,526
	Новгородская область	4,710
	Ленинградская область	7970
	Республика Мордовия	8,313
	Иркутская область	10,893
	Московская область	12,498
	Астраханская область	20,299
	Вологодская область	22,131
Архангельская область	Краснодарский край	0,664
	Волгоградская область	1,385
	Хабаровский край	3,205
	Кировская область	3,804
	Удмуртская Республика	4,679
	Владимирская область	5,955
	г. Москва	10,079
	Костромская область	12,555
Архангельская область без авт. округа	г. Севастополь	22,393
	Белгородская область	32,712
Астраханская область	Брянская область	4,302
	Калужская область	6,523
	Воронежская область	14,140
Белгородская область	Чукотский авт. округ	4,663
	Мурманская область	7,151
	Республика Бурятия	10,943
	Республика Башкортостан	14,083
	Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	27,922
Владимирская область	Ульяновская область	1,073
	Липецкая область	2,238
	Курганская область	3,392
Воронежская область	Республика Коми	0,444
	Псковская область	1,092
	Еврейская авт. область	5,597
	Кемеровская область	8,697
Забайкальский край	Республика Алтай	4,269
	Республика Тыва	6,409
Иркутская область	Смоленская область	0,601
	Самарская область	1,460
	Курская область	5,095
	Калининградская область	8,256
Кемеровская область	Орловская область	2,701
	Ставропольский край	4,334
	Ярославская область	7084
Магаданская область	Республика Марий Эл	25,040
	Республика Калмыкия	36,709
Мурманская область	Тюменская область	2,173
	Томская область	5,593
Нижегородская область	Республика Карелия	2,553
	Саратовская область	3,065

Окончание таблицы

1		2
Республика Марий Эл	Тамбовская область	5,939
	Ямало-Ненецкий авт. округ	22,200
Республика Адыгея	Тульская область	0,783
Ленинградская область	Пензенская область	0,967
Липецкая область	Оренбургская область	1,053
Волгоградская область	Рязанская область	1,095
Республика Карелия	Ростовская область	1,151
Кировская область	Республика Татарстан	1,206
Брянская область	Республика Адыгея	1,593
Курганская область	Тверская область	1,601
Саратовская область	Свердловская область	1,630
Новгородская область	Республика Хакасия	1,843
Удмуртская Республика	Челябинская область	2,056
Омская область	Республика Северная Осетия – Алания	4,177
Курская область	Нижегородская область	4,467
Еврейская авт. область	Пермский край	5,252
Калининградская область	Камчатский край	5,883
Республика Башкортостан	Чувашская Республика	6,209
Костромская область	Красноярский край	6,542
Республика Калмыкия	Республика Саха (Якутия)	13,194
Кабардино-Балкарская Республика	Республика Дагестан	16,989
Ненецкий авт. округ	Сахалинская область	32,769
Республика Ингушетия	Чеченская Республика	40,702
г. Санкт-Петербург	Республика Крым	255,403

Примечание. Иерархический кластерный анализ – среднее расстояние между кластерами, квадрат евклидова расстояния.

Источник: рассчитано по данным рис. 1 и 2.

Возможности формирования нового федеративного пространства для экономического развития российских регионов можно представить в соотношении уравнений трендов RG заработной платы ($y = 3,136\ln(x) + 3,517$; $R^2 = 0,8558$) (см. рис. 1), возможности создания прибавочной стоимости ($y = 1,6064\ln(x) - 3,0978$; $R^2 = 0,8565$) (рис. 2) их совокупности, представленных в виде иерархии экономической связанности субъектов Федерации ($y = -2,589\ln(x) + 11,775$; $R^2 = 0,8985$) (рис. 3).

Параметры уравнения тренда иерархии экономической связанности субъектов Федерации, существенно отличающиеся от трендов RG заработной платы и возможности создания прибавочной стоимости, указывают на отсутствие основных предпосылок для дальнейшего существования федеративного устройства.

Обсуждение результатов. Результаты федеративного анализа экономического развития российских регионов посредством оценки RG среднемесячной номинальной начисленной и реальной начисленной заработной платы, ВРП на душу населения (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах), индекса производительности труда, степени износа основ-

Рис. 3. Иерархия экономической связанности субъектов Федерации (квадрат евклидова расстояния меньше 10). Источник: построено по данным таблицы

ных фондов, а также их агрегирования по концепции К. Маркса о сущности капитализма выявлены: аттрактор федеративного устройства – Республика Крым, анти-аттрактор – Республика Дагестан. Связывающими субъектами Федерации определены Калужская и Тамбовская области, разъединяющими – Ненецкий автономный округ и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

Итак, федерацию связывают регионы с доминированием обрабатывающей промышленности, а разрывают регионы с добывающей отраслью. Для устранения этого явления необходимо объединить Ненецкий, Ханты-Мансийский – Югра, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа с другими субъектами Российской Федерации, как это было в отношении Коми-Пермяцкого, Эвенкийского и Таймырского, Корякского, Усть-Ордынского Бурятского и Агинского Бурятского автономных округов.

Федеративный анализ экономического развития российских регионов, базисом существования которых становится капиталистическая общественно-экономическая формация, выявил нерентабельность их федеративного сосуществования на платформе совокупности обрабатывающих производств, определяя приоритет сырьевого развития экономики России.

Выводы. Предикатом федеративного анализа является отсутствие понимания федерализма как системного инструмента развития экономики российских регионов. Статья 3 Конституции Российской Федерации⁶, указывающая в качестве источника власти многонациональный народ, не связывает приоритетом становления российской экономики с демократизацией и федерализмом.

Суверенитет, целостность, единая система государственной власти и централизация управления характерны также для унитарного государства. Федерацию же отличают от унитарного государства, как минимум, возможность ее субъектов самостоятельно, без какого-либо вмешательства центральной власти образовывать (формировать) собственные органы государственной власти и наличие взаимного разграничения предметов ведения и полномочий⁷. То есть федерализм есть особый момент власти – борьбы противоположностей в процессе формирования системы государственного устройства.

Приоритет принципов меризма в государственном устройстве России сводит к упрощению экономики, усиление роли центральной власти через реализацию национальных проектов. Ограниченность понимания идеи федеративного устройства российского государства как закономерного следствия всемирной демократизации управления и либерализации экономики усиливает зависимость России от технологий капитализации экономики в пользу бюджетной централизации.

Современное положение российской экономики отражает нерентабельное федеративное существование российских регионов на платформе совокупности обрабатывающих производств. Выделяется примитив сырьевого сосуществования субъектов Федерации. Явным анти-аттрактором федерализма становится Ненецкий автономный округ, теряющим производительность труда и увеличивающим степень износа основных фондов.

Возможности формирования нового федеративного пространства для экономического развития российских регионов в соотношении уравнений трендов динамики цены труда рабочего, а также единства процессов труда и возрастания стоимости указывают на отсутствие движения к комплексному развитию Российской Федерации.

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).

⁷ Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации Анатолия Леонидовича Кононова. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. N 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан. 29 декабря 2005 г. Российская газета. Федеральный выпуск № 0 (3963).

Литература

1. *Adolfsson A., Ackerman M., Brownstein N.C.* To cluster, or not to cluster: An analysis of clusterability methods. *Pattern Recognition*. 2019. Vol. 88. P. 13–26. URL: <https://doi.org/10.1016/j.patcog.2018.10.026>.
2. *Ania A.B., Wagener A.* Decentralized redistribution in a laboratory federation. *Journal of Urban Economics*. Vol. 93. May 2016. P. 49–59. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jue.2016.03.002>.
3. *Asatryan Z., Feld L.P.* Revisiting the link between growth and federalism: A Bayesian model averaging approach. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 43. Iss. 3. August 2015. P. 772–781. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.04.005>.
4. *Brownstein N.C., Adolfsson A., Ackerman M.* Descriptive statistics and visualization of data from the R datasets package with implications for clusterability. *Data in Brief*. Vol. 25. August 2019. Article 104004. URL: <https://doi.org/10.1016/j.dib.2019.104004>.
5. *Burris A.* Federalism. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. 2015. P. 875–877. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.93042-3>.
6. *Cai H., Treisman D.* State corroding federalism. *Journal of Public Economics*. Vol. 88. Iss. 3–4. March 2004. P. 819–843. URL: [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(02\)00220-7](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(02)00220-7).
7. *Daumal M.* Federalism, separatism and international trade. *European Journal of Political Economy*. Vol. 24. Iss. 3. September 2008. P. 675–687. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpolco.2008.06.007>.
8. *Desai R.M., Freinkman L., Goldberg I.* Fiscal federalism in rentier regions: Evidence from Russia. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 33. Iss. 4. December 2005. P. 814–834. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2005.08.004>.
9. *Evers M.P.* Fiscal federalism and monetary unions: A quantitative assessment. *Journal of International Economics*. Vol. 97. Iss. 1. September 2015. P. 59–75. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2015.05.001>.
10. *Favero L.P., Belfiore P.* Chapter 3: Univariate Descriptive Statistics. *Data Science for Business and Decision Making*. 2019. P. 21–91. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00003-3>.
11. *Favero L.P., Belfiore P.* Chapter 11: Cluster Analysis. *Data Science for Business and Decision Making*. 2019. P. 311–382. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00011-2>.
12. *Hatfield J.W.* Federalism, taxation, and economic growth. *Journal of Urban Economics*. Vol. 87. May 2015. P. 114–125. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jue.2015.01.003>.
13. *Janeba E., Wilson J.D.* Optimal fiscal federalism in the presence of tax competition. *Journal of Public Economics*. Vol. 95. Iss. 11–12. December 2011. P. 1302–1311. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.11.029>.
14. *Jin H., Qian Y., Weingast B.R.* Regional decentralization and fiscal incentives: Federalism, Chinese style. *Journal of Public Economics*. Vol. 89. Iss. 9–10. September 2005. P. 1719–1742. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2004.11.008>.
15. *King A.P., Eckersley R.J.* Chapter 1: Descriptive Statistics I: Univariate Statistics. *Statistics for Biomedical Engineers and Scientists*. 2019. P. 1–21. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102939-8.00010-4>.
16. *Lazar J., Feng J.H., Hochheiser H.* Chapter 4: Statistical analysis. *Research Methods in Human Computer Interaction (Second Edition)*. 2017. P. 71–104. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-805390-4.00004-2>.
17. *Lee T.V.* Democracy and Federalism in Greater China. *Orbis*. Vol. 48. Iss. 2, Spring 2004. P. 275–283. URL: <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2004.01.009>.
18. *Marx K.* *Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprozess des Kapitals.* Hamburg Verlag von Otto Meissner. New-York: L.W. Schmidt, 24 Barclay-Street, 1867. 784 p.

19. *Ross C.* Federalism and democratization in Russia. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 33. Iss. 4. December 2000. P. 403–420. URL: [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(00\)00013-1](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(00)00013-1).
20. *Ross C.* Putin's federal reforms and the consolidation of federalism in Russia: one step forward, two steps back! *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 36. Iss. 1. March 2003. P. 29–47. URL: [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(02\)00057-0](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(02)00057-0).
21. *Schofield S.* Impressive statistical analysis. *Science and Public Policy*. 1993. Vol. 20. Iss. 3. P. 214–215. URL: <https://doi.org/10.1093/spp/20.3.214>.
22. *Siggelkow B.F.* Tax competition and the implications of national tax policy coordination in the presence of fiscal federalism. *Regional Science and Urban Economics*. Vol. 73. November 2018. P. 17–29. URL: <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2018.07.004>.
23. *Tanzi V.* The future of fiscal federalism. *European Journal of Political Economy*. Vol. 24. Iss. 3. September 2008. P. 705–712. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2008.03.001>.
24. *Urlacher B.R.* Complexity, Causality, and Control in Statistical Modeling. Vol. 64. Iss. 1. P. 55–73. Article first published online: July 13, 2019; Issue published: January 1, 2020. URL: <https://doi.org/10.1177/0002764219859641>.
25. *Weingast B.R.* Second Generation Fiscal Federalism: Political Aspects of Decentralization and Economic Development. *World Development*. Vol. 53. January 2014. P. 14–25. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2013.01.003>.

Bibliography

1. *Adolfsson A., Ackerman M., Brownstein N.C.* To cluster, or not to cluster: An analysis of clusterability methods. *Pattern Recognition*. 2019. Vol. 88. P. 13–26. URL: <https://doi.org/10.1016/j.patcog.2018.10.026>.
2. *Ania A.B., Wagener A.* Decentralized redistribution in a laboratory federation. *Journal of Urban Economics*. Vol. 93. May 2016. P. 49–59. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jue.2016.03.002>.
3. *Asatryan Z., Feld L.P.* Revisiting the link between growth and federalism: A Bayesian model averaging approach. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 43. Iss. 3. August 2015. P. 772–781. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.04.005>.
4. *Brownstein N.C., Adolfsson A., Ackerman M.* Descriptive statistics and visualization of data from the R datasets package with implications for clusterability. *Data in Brief*. Vol. 25. August 2019. Article 104004. URL: <https://doi.org/10.1016/j.dib.2019.104004>.
5. *Burris A.* Federalism. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. 2015. P. 875–877. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.93042-3>.
6. *Cai H., Treisman D.* State corroding federalism. *Journal of Public Economics*. Vol. 88. Iss. 3–4. March 2004. P. 819–843. URL: [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(02\)00220-7](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(02)00220-7).
7. *Daumal M.* Federalism, separatism and international trade. *European Journal of Political Economy*. Vol. 24. Iss. 3. September 2008. P. 675–687. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2008.06.007>.
8. *Desai R.M., Freinkman L., Goldberg I.* Fiscal federalism in rentier regions: Evidence from Russia. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 33. Iss. 4. December 2005. P. 814–834. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2005.08.004>.
9. *Evers M.P.* Fiscal federalism and monetary unions: A quantitative assessment. *Journal of International Economics*. Vol. 97. Iss. 1. September 2015. P. 59–75. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2015.05.001>.
10. *Favero L.P., Belfiore P.* Chapter 3: Univariate Descriptive Statistics. *Data Science for Business and Decision Making*. 2019. P. 21–91. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00003-3>.
11. *Favero L.P., Belfiore P.* Chapter 11: Cluster Analysis. *Data Science for Business and Decision Making*. 2019. P. 311–382. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00011-2>.

12. *Hatfield J.W.* Federalism, taxation, and economic growth. *Journal of Urban Economics*. Vol. 87. May 2015. P. 114–125. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jue.2015.01.003>.
13. *Janeba E., Wilson J.D.* Optimal fiscal federalism in the presence of tax competition. *Journal of Public Economics*. Vol. 95. Iss. 11–12. December 2011. P. 1302–1311. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.11.029>.
14. *Jin H., Qian Y., Weingast B.R.* Regional decentralization and fiscal incentives: Federalism, Chinese style. *Journal of Public Economics*. Vol. 89. Iss. 9–10. September 2005. P. 1719–1742. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2004.11.008>.
15. *King A.P., Eckersley R.J.* Chapter 1: Descriptive Statistics I: Univariate Statistics. *Statistics for Biomedical Engineers and Scientists*. 2019. P. 1–21. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102939-8.00010-4>.
16. *Lazar J., Feng J.H., Hochheiser H.* Chapter 4: Statistical analysis. *Research Methods in Human Computer Interaction (Second Edition)*. 2017. P. 71–104. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-805390-4.00004-2>.
17. *Lee T.V.* Democracy and Federalism in Greater China. *Orbis*. Vol. 48. Iss. 2, Spring 2004. P. 275–283. URL: <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2004.01.009>.
18. *Marx K.* Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprozess des Kapitals. Hamburg Verlag von Otto Meissner. Nexv-York: L.W. Schmidt, 24 Barclay-Street, 1867. 784 p.
19. *Ross C.* Federalism and democratization in Russia. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 33. Iss. 4. December 2000. P. 403–420. URL: [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(00\)00013-1](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(00)00013-1).
20. *Ross C.* Putin's federal reforms and the consolidation of federalism in Russia: one step forward, two steps back! *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 36. Iss. 1. March 2003. P. 29–47. URL: [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(02\)00057-0](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(02)00057-0).
21. *Schofield S.* Impressive statistical analysis. *Science and Public Policy*. 1993. Vol. 20. Iss. 3. P. 214–215. URL: <https://doi.org/10.1093/spp/20.3.214>.
22. *Siggelkow B.F.* Tax competition and the implications of national tax policy coordination in the presence of fiscal federalism. *Regional Science and Urban Economics*. Vol. 73. November 2018. P. 17–29. URL: <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2018.07.004>.
23. *Tanzi V.* The future of fiscal federalism. *European Journal of Political Economy*. Vol. 24. Iss. 3. September 2008. P. 705–712. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2008.03.001>.
24. *Urlacher B.R.* Complexity, Causality, and Control in Statistical Modeling. Vol. 64. Iss. 1. P. 55–73. Article first published online: July 13, 2019; Issue published: January 1, 2020. URL: <https://doi.org/10.1177/0002764219859641>.
25. *Weingast B.R.* Second Generation Fiscal Federalism: Political Aspects of Decentralization and Economic Development. *World Development*. Vol. 53. January 2014. P. 14–25. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2013.01.003>.